

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Научная статья

УДК 94/94(930.85)

doi: 10.17223/19988613/99/22

Мифологизация смерти у осетин в контексте похоронной обрядности

Надежда Оскаровна Блейх

*Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова,
Владикавказ, Россия, nadezhda-blejkh@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются мифологические верования осетин о потустороннем мире и связанная с этим погребальная культура, которая является не только частью обычаев семейного цикла, но и феноменом этнической социализации. Новизна проблемы видится в попытке изучения траурной культуры народа с позиций этнокультурного феномена, базирующегося на мировоззренческих представлениях о дуальной структуре мироздания. Несмотря на то, что данная тема является весьма интригующей и деликатной, она имеет огромный потенциал для изучения и дальнейшего общественного обсуждения.

Ключевые слова: Осетия, похоронные обряды, воззрения о душе, мифологизация смерти

Для цитирования: Блейх Н.О. Мифологизация смерти у осетин в контексте похоронной обрядности // Вестник Томского государственного университета. История. 2026. № 99. С. 189–199. doi: 10.17223/19988613/99/22

Original article

Mythologization of death among Ossetians in the context of funeral Rites

Nadezhda O. Blejkh

North Ossetian State University named after C.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russian Federation, nadezhda-blejkh@mail.ru

Abstract. The subject of this article is the analysis of the ideological, material and social aspects of the funeral practice of the Ossetian people. The purpose of the work is to conduct a study of the mythological representations of Ossetians in the context of their funeral rites.

The novelty of the research topic is demonstrated in several key contributions: first, an attempt is made to analyze the mourning culture of the Ossetians as an ethno-cultural phenomenon; second, the distinctive features of the Ossetian funeral cult are identified and established through the lens of worldview concepts related to the dual structure of the universe; and third, new field-based ethnographic material is presented, collected by the author in several villages of the Republic of North Ossetia-Alania, including Dagom, Dargavs, Nizhny Lars, and Elkhotovo. The practical significance lies in the fact that the provisions and conclusions of this article can help: a) to overcome the prevailing stereotypes regarding the spiritual values of small ethnic groups of Russia; b) to provide modern historians with interesting material with the prospect of using it in educational and educational practices; c) to make it possible to use the basic provisions and conclusions, based on understanding of a wide range of different sources, in the formation of new approaches to the study of the Ossetian mourning complex. The author's special contribution consists in revealing the specifics and essence of the mythological concept and funeral ritual of the Ossetians in their unity, presented for the first time. The methodological basis of the research was the general philosophical theories about the role of the people in the creation of spiritual and material culture and the idea of the influence of the environment on the specifics and identity of the development of the worldview of Ossetian society.

Based on the analysis, it is concluded that the Ossetian people have developed a distinct conception of the afterlife over centuries. This gave rise to the belief in an immortal soul residing in an otherworldly astral plane, which is perceived as nearly indistinguishable from the world of the living. These views clearly exhibit layers of relics from early beliefs and world religions, rooted in a semiotic perception of the universe, including the binary opposition of being and non-being. They formed the basis of the cult of the dead, which mandated abundant sacrifices, numerous commemorations, funeral rites, and other practices. These rituals maintained a connection between the living and the departed, under the assumption that the latter would, in turn, protect their living descendants. The objectivity and reliability of the results are ensured by the methodological validity of the study's initial parameters, grounded in the principles of socio-cultural determination and socialization.

Keywords: Ossetia, funeral rites, beliefs about the soul, mythologization of death

For citation: Blejkh, N.O. (2026) Mythologization of death among Ossetians in the context of funeral Rites. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 99. pp. 189–199. doi: 10.17223/19988613/99/22

Введение

В современном мире особенно остро стоит проблема сохранения самобытности уникальных этнических культур малых народов, построенной на традициях и обычаях, которые в нашей жизни сохраняются и даже актуализируются. Действительно, они, пришедшие к нам из глубины веков, стабилизируют социальные взаимоотношения, цементируют весь жизненный уклад, завещанный нашими предками. В их основе лежит этнический менталитет, регламентирующий все стороны жизни человека. Особый интерес в этом контексте вызывают воззрения о жизни после смерти и связанные с этим похоронные обряды, характеризующие уровень цивилизованности любого народа, который, страшась этого неминуемого в жизни каждого события, вырабатывает свою мировоззренческую картину сверхъестественного.

Задумывались о смерти и осетины – потомки кочевых народов (сарматов, савроматов, алан). У них воззрения о потустороннем имели свою уникальную специфику, аккумулирующую разновременные формы мышления о законах природных и общественных, bipolarности жизни и смерти, обязанностях живых перед мертвыми и т.д., и потому они представляют богатый пласт традиционной культуры.

Несмотря на то, что со временем концепция загробного мира и специфика траура модернизировались, осетины смогли сохранить большую часть ритуальных действий, корни которых уходят в глубокую древность. Никакая другая сфера жизнедеятельности этноса не сохранила столько архаики, как похоронный культ. И до сего дня погребальные обряды носят социальный характер и отличаются многолюдностью. Иллюстрацией к нашему введению служит отрывок из стихотворения классика осетинской литературы К.Л. Хетагурова «На кладбище»:

«...Нет похорон многолюднее наших...
Нынче такая толпа провожавших
С гор и долин собралась –
Не повернуться на кладбище было,
Старый и малый стояли уныло,
Низко над мертвым склоняясь...» [1. С. 113].

На основании вышеизложенного представляется необходимым перейти к обсуждению темы и рассмотреть осетинскую погребальную обрядность и представления народа о смерти. Для удобства изложения статья разделена на две части.

Воззрения осетин на загробную жизнь

Осетины, как и любой другой народ, еще с древности задумывались о конце бренной жизни и переходе в иной мир, который они считали истинным («æдæг дуне»), при этом земную жизнь они называли ложным миром («мæнг дуне»). В соответствии со своими традиционными верованиями народ полагал, что жизнь

человека не кончается со смертью, он лишь переходит в иной мир, лучший и справедливый, в котором умершие продолжают заниматься привычной им деятельностью, духовные и физические потребности их также остаются прежними, поэтому, обеспечив усопшему достойное перемещение в другой мир и продолжая оказывать ему необходимое внимание и воздавать почести, родственники могли уповать на небесное покровительство и помощь.

На этот факт обратил внимание М. Ковалевский, отмечая, что «осетины, подобно древним цивилизациям, отождествляют посмертную жизнь земной. Сие соотношение проявляется у них в заботливом отношении к предкам» [2. С. 84]. Такими же наблюдениями делился и исследователь Н. Жданов: «Осетины верят в загробную жизнь. Они думают, что благочестивые люди снова соединятся душой и телом и будут жить так, как на земле, будут сладко есть и пить, встречаться с родными и пировать с ними под сенью райских деревьев» [3. С. 35].

В этих представлениях проявляется неотъемлемый для осетина культ мертвых. Изначально этот культ не был связан с существованием души, так как древние люди не делали различий души и тела, не имели страха перед усопшими и хоронили их даже в самом жилище, продолжая считать их живыми и заботиться о них. Таким образом, связи мертвых и живых не прерывались. Впоследствии почитание мертвых превратилось в своеобразный ритуал, повсеместно практикуемый осетинами, которые, по словам С. Токарева, «наиболее наглядно демонстрируют продолжение общественных обязанностей за пределами смерти» [4. С. 157].

Задумывались осетины и о сущности загробного мира. Сообразно верованиям, он состоит из рая, ада и чистилища. Несмотря на то, что зачастую говорили: «Небесное зеркало» («арвы айдæн») и «Царствие небесное» («рухсаг у»), но подразумевали, что оно находится под землей, однако верили, что и тут встает солнце, которое не так сильно греет, как на земле. В этом мире также есть равнины, реки, горы и озера, имеются и пастбища, на которых пасутся животные, зарезанные на поминках.

Во взглядах на потусторонний мир у осетин имелась особенность, заключающаяся в том, что его полагали отражением земного бытия с той лишь разницей, что живые работают днем, а усопшие – ночью, когда солнце уходит из мира живых в царство мертвых. В последнем ключевую роль играли два персонажа – Барастыр (бар – полномочие, стыр – большой), повелитель подземного мира, который определял место пребывания в Царстве мертвых, и привратник Аминон, спрашивавший вновь прибывших о деяниях в земной жизни. Интересна деятельность этих персоналий.

Барастыр является судьей над вновь прибывшими и отмеряет им место в раю (dzænaet) или в аду (zyndon). Он справедлив и, по материалам Вс. Миллера, «неумолим относительно грешников и ласков с душами людей

добродетельных» [5]. Другое действующее лицо – Аминон – неопределенного пола, сидит перед мостом через реку, отделяющую мир мертвых от мира живых. Он расспрашивает о земном бытии и в случае обмана бьет по губам огромным венником. Здесь мы видим пример близнечного мифа, когда происходит сращивание двух образов в единое целое, поэтому их имя у осетин иногда облекается в форму единственного числа и заменяется Маэрдты Мыкалгабыртæ, т.е. «Мыкалгабыртæ мертвых».

Умерший предстает перед небесными властителями не в своем привычном облике, а в качестве некой субстанции, являющейся его точной копией. Ее назвали душой и наделили способностью отделяться от тела и присутствовать в иных мирах. Полагали, что душа вечна, нетленна, бессмертна (удæн амæлаен нæй), требует к себе внимания и уважения, подвержена эмоциям, может любить и ненавидеть и потому в зависимости от деяний может стать доброй или злой. Она подвижна, странствует во время сна, все видит и слышит. Душа (дух) наделялась могущественной силой (Мард – дзуар у); считалось, что умерший – не святой, а свята память о нем, не допускающая злословия.

Однако в отличие от воззрений других этносов относительно души, осетины, по преданиям, наделяли душами все живые и неживые объекты. Исходя из народного фольклора, видим, что душой наделены колчан, стрелы, надочажная цепь, волосы, одежда и пр. Например, заканчивая жатву на поле, оставляли нескошенным маленький клочок и посвящали его душе поля, рубя деревья, просили прощения за гибель, начиная охоту, молились духу животных и т.д.

После принятия осетинами христианства в похоронной обрядности появляется образ Всевышнего, которому принадлежит ключевая роль в разделении двух миров на жизнь, которую соотносят с радостью (цин), и смерть, которую связывают с печалью (зиан / хъыг). На тризне ему посвящена молитва, которая исполняется стоя: «Мæнæ хорз адæм, Хуыцауы ном ссарæм. Дæтгæ дæр нæ уый кæны, исгæ дæр нæ уый кæны. Нæ мард дæр, нæ удыгас дæр Хуыцауы уазæг уæд, æмæ йæм арахдæр æртыгай чъиритæй куыд кувæм. – Люди добрые, обратим свои молитвы к Всевышнему. Он дарует нам жизнь, и он же забирает ее. Пусть он оказывает свое покровительство как тем, кто расстался с жизнью, так и тем, кто жив, и чтобы мы чаще возносили ему молитвы с тремя пирогами» [6. С. 154].

По народным поверьям считалось, что душа, отделяясь от тела, еще три дня летает над ним и следует за похоронным кортежем на кладбище, там также три дня летает над могилой и только потом отправляется в загробный мир, но на пути ее ожидают серьезные испытания. По сведениям информатора В. Валиевой (78 лет, с. Нижний Ларс), прежде чем попасть в царство мертвых, духу необходимо пройти мост, который охраняется змеями (или собаками). Для их умиловления по пути на кладбище в обрыв бросали хлеб (соти) [7]. Здесь сделаем оговорку. Для осетин хлеб являлся святыней, к которой надо относиться почтительно, поэтому данный ритуал справлялся только в отдельных селах, но не повсеместно.

Затем душа попадала не в рай, как в других верованиях, а сразу в ад (хотя имелось и чистилище). Там ей приоткрывали тайну «семи дверей», олицетворявших определенные грехи. Знаменательно, что в их число входило отсутствие гостеприимства. Ад мыслился как кипящее серой озеро, где бесконечно мучаются грешники за определенные проступки. Интересно, что в мифологии осетин нет весов правосудия. Их заменяют ангелы (зæдтæ), фиксирующие всю человеческую жизнь. На правом плече сидит белый (добрый) ангел, на левом – черный (злой). В зависимости от совершенных деяний душа попадает в рай или ад. В чистилище находятся лишь души погибших не своей смертью. Павший на поле брани воин сразу же напрямик отправлялся на небеса, туда же следовала душа праведного человека.

Души наделялись способностью влиять на бытие живых и вмешиваться во все земные дела сроком на один год, поэтому осетины испытывали благоговейный страх перед всеокрушающей силой ушедшего родственника в течение всего этого времени. «Духи прародителей постоянно требуют внимания и заботы от живых, которые глубоко почитают своих предков, свято выполняя свой долг перед ними, и полагают, что земное благосостояние зависит от отношения к ним последних», – писал В. Токарев [4. С. 14].

Впрочем, такое же понятие бытовало и у соседей осетин – грузин. «Проявляя определенный интерес к судьбе живых родственников, – отмечал В.В. Бардавелидзе, – покойники непосредственно вмешиваются в их жизнь. Участие душ мертвых в этом отношении простирается так далеко, что в конце концов они оказывают огромное влияние на всю жизнь людей. Эти сильные и таинственные существа могут увеличить сванской семье урожай, размножить ей скотину, одарить большим удоем, приумножить деторождением и усилить ее многими другими благами или, напротив, наслать неурожай, мор на скотину, лишить удою и плодovitости животных и людей, наслать на них болезни, поразить смертью и уничтожить всю семью» [8. С. 162].

Как видим, в мифологии осетин заложена не идея боязни почившего, а вера в сверхъестественные силы, которая лежала в основе почитательного отношения к умершему. Осетины боялись не столько самого покойного, сколько последствий от его смерти. Поэтому при достойных проходах в мир иной умерший, обладая невероятным могуществом, становился оберегом для потомков и во всем помогал им. Все события, происходившие в роду, приписывались действиям новопредставленного. Так, если происходили перемены в лучшую сторону, его восславляли: «Хорзы боны мард фæцис» – счастливая нога для всех оказалась. Если же после похорон происходила какая-нибудь беда, то считали, что покойник разгневался: «Æвзæр къах ахаста» – несчастливая нога у усопшего была. Такими представлениями осетин о могуществе ушедшего родича и было обусловлено таинство их проводов в иной мир, совершаемых с момента кончины и погребения, а также следующих за ними поминок до того момента, пока душа умершего не поселится в «æцаг дуне».

Похоронные обрядовые действия

Воззрения осетин о смерти легли в основу всех ритуальных действий и прежде всего нашли выражение в подготовке к переходу в иное существование. Наиболее наглядно она проявлялась у пожилых людей, которые начинали готовить себя к смерти еще задолго до нее. Они выбирали (или изготавливали) себе смертную одежду (мæрддзæгтæ) и говорили: «Куы амæлон, уæд иу мыл сæ скæнут» – если я уйду, то наденьте ее на меня.

Тяжело больной человек обеспечивался вниманием не только со стороны родственников, но и всего села. Его не оставляли одного ни днем, ни ночью, заботились. Люди считали, что «на все воля Божья», поэтому не боялись ухаживать даже при заразной болезни. Последним словам уходящего придавался большой смысл. Считалось, что в последние минуты жизни он обладает даром предсказания, поэтому к нему подводили детей для благословения.

Представления народа о потустороннем мире хорошо описал гений осетинской литературы, знаток обычаев К.Л. Хетагуров: «...собравшиеся проявляют любопытство даже в последние минуты умирающего. <...> расспрашивают его о покойниках, не видит ли он того или иного? Что делает такой-то? Не голодает ли? Кто его окружает? И т.д. Такими вопросами они настраивают больного до такой степени, что он начинает им отвечать» [9. С. 153]. Однако запрещалось спрашивать о самом потустороннем мире, иначе покойники могут преградить ему дорогу в поднебесное царство и назвать его болтуном (дзæгъæл дзых).

Близость летального исхода определяли по физическому (заострение лица, отрешенность) и психическому состоянию умирающего (просьбы об отворачивании к стене, о смене одежды, бред). Также признаком считалось улучшение состояния больного, когда он просил поесть. Считали, что такое облегчение даруется только тем, кто прожил праведную жизнь.

Если же человек долго мучился, то народное поверье полагало, что мертвые не желают взять душу за какие-то грехи, поэтому исправляли ритуал задобрения предков: выпекали нечетное количество хлебов (пирогов, лепешек), резали черную курицу и в комнате умирающего произносили молитву с просьбой открыть путь в иной мир. С принятием христианства обращались к Богу: «Хуыцау фæндон фод æмæ йын лæгъстæ кæнæм, кæд мæрдты бæсты исты ис, уæд дын дæ фæндаг суæгъдкæнæд, кæд мæрдтæй исчи' взиды, уæд йæ бар' йæ хъомыс сьджытмæ уæд, ацы фæлдисинагтæ та дын фæндаггаг фæуæнт. – Пусть Богу будет угодно, и просим его, если есть что-то в загробном мире, то пусть тебе откроют дорогу, а если кто-нибудь из мертвых тебе угрожает, то пусть сила, могущество его будут направлены в землю, а эти приношения да будут тебе дорожными» [10. С. 47]

Существовали и другие способы отчитки грехов. Информатор И. Казиев (78 лет, с. Чми) рассказал, что изготавливали три пресных чурека и доставляли какой-нибудь железный предмет. Молились, чтобы все обиды были переправлены на кусок железа, а умирающему открылся путь в царство мертвых. Если же больной

мог сам выпросить прощение, ему для молитвы подносили рог с пивом [11].

Интересный обряд помощи умирающему описывает А.Б. Кокоева: «Для облегчения страданий больного осуществлялся обряд “хурмæдзæуæггаг” – “дорожные к солнцу”. Выпекали один большой и четыре маленьких пирога “хъæбын”, пять звезд и маленькую лестницу, произносились молитвы к предкам с просьбой взять к себе душу» [12. С. 78]. Сегодня поминки с названием «хурмæдзæуæггаг» совершаются после похорон через неделю.

Имелся и такой ритуал, рассказанный нам информатором А. Кодзаевым (88 лет, с. Даргавс): умирающему натирали ноги медом и переносили его постель к очагу. При этом мужчину укладывали на левый бок, женщину – на правый [13]. Этот обычай имел давнюю историю. Очаг считался священным местом в доме. Возле него проводились все семейные обряды, в том числе совершался культ мертвых – хранителей очага. Считалось, что могущественные предки присутствуют в доме, поэтому они могут облегчить муки и показать дорогу в иной мир.

Чувствуя приближение необратимого, для облегчения страданий умирающего родственники молились богу, дзуарам (святым), открывались настежь все окна и двери, чтобы не было препятствий душе покинуть тело. Такие же ритуалы проводили и черкесы. Они выносили умирающего во двор на открытое пространство. У славян тоже существовал обычай приподнимать в потолке матицу, дабы облегчить душе исход от тела. Интересный магический обряд вызывания смерти имеется у абзавов: «Кто-нибудь взбирался на чердак и троекратно громко хлопал тремя досками кровли над тем местом, где в избе лежал умирающий. Иногда при этом еще стреляли из ружья» [14. С. 62].

В отличие от других народов, осетины полагали, что душу нельзя пугать, поэтому у одра они не плакали, не кричали. Считали, что душа должна покинуть тело спокойно, и когда дух испускается (йæ уд систа), отлетевшая душа превращается в муху или мотылька. За ней приходит ангел смерти – удисæг (изымающий душу). Однако он не убивает, а руководствуется волей Всевышнего и только забирает душу. У него имеется множество обличьев. Одним он видится в образе волка, медведя, чудовища, другим – в виде молодого мужчины или аксакала с белой длинной бородой. Ангел смерти справедлив, ему неинтересны звания или титулы.

Сразу после смерти умершему закрывали глаза, клали на них монеты. Считалось, что они нужны для пропуска в царство мертвых. Подобный обычай существовал у многих народов. Так, грузины, курды, славяне монеты клали в руку покойного, греки, египтяне и римляне – в рот.

Затем родные начинали громко выражать свое горе, оплакивать покойного, т.е. констатировать факт смерти. Далее необходимо было очистить тело от земной грязи. Наступал черед обмывальщиков. Мужчину обмывали четверо мужчин, женщину – четверо женщин. Считалось, что мойщики на том свете будут в большом почете, поэтому желающих было много. Для по-

мывки делались полати из досок, под ними ставился таз. Купали в теплой воде с мылом, стригли, брили. Женщине волосы не заплетали. Волосы и ногти зарывали вдали от дома, где никто не ходил, воду выносили со двора и выливали в недоступном для людей месте (фæсфæд). Мойщикам выдавалось небольшое вознаграждение [15. С. 73].

Умершего одевали в ту одежду, которую он выбрал. Она называлась «мæрддзæгтæ» (посмертная одежда). Ее шили всей семьей. Исключение составляли головные уборы – их приносили родственники по женской линии. Существует много доказательств того, что облачение в одежду у осетин носило сакральный характер. Так, по словам М.М. Ковалевского, «на вопрос о том, зачем одевают мертвого так пышно, осетины обыкновенно отвечают, что пусть хоть теперь оденется, чтобы не было стыдно на том свете показаться умершим людям» [16. С. 84]. «Все семейство ушедшего предпринимает немалые усилия, чтобы одеть того как можно пышнее», – отмечал Б. Гатиев [17. С. 30]. Эти наблюдения подтверждаются археологическими раскопками из Даргавских склепов. В них ученые находили предметы быта и украшения (у женщин), кинжалы и ножи (у мужчин), а также одежду. Профессор В.Х. Тменов описывал захоронения, где на мумиях было до пяти платьев, причем многие были из дорогих материалов [19. С. 53].

Однако информаторы В. Валиева (78 лет) и И. Гатиева (81 год) из с. Нижний Ларс сообщили, что совсем не обязательно было обряжать усопшего в новую одежду, одевали в любимое его одеяние [7, 19]. Юношу облачали в одежду жениха (хæдон), девушку и молодую женщину наряжали в свадебный наряд. Осетины-мусульмане укутывали в саван-джебен, состоящий из десяти метров белого полотна, делали вырез для горловины, бока не стачивали. Обувь не надевали.

Весь процесс обряжения и укладывания в гроб сопровождался плачем и воплями. У осетин он имел гипертрофированное значение. Осетины полагали, что слезы помогут покойному быстрее найти дорогу в иной мир и занять там достойное место. Поэтому если не было наследников, люди задавались вопросом: «Кто по мне будет слезы лить после смерти, кто заплачет?»

Оплакивая покойного, верили, что они еще раз отдадут дань уважения своим ранее ушедшим («цæстысыг» – доля слёз), поэтому в плачах принимали участие и мужчины. Центральное место занимал обрядовый плач хъарæг. В причитаниях покойников всячески восславляли, выражали сожаление о невосполнимой утрате. Считалось недостойным, если усопший унес мало слез. Этот обряд свидетельствует о вере в магическую силу слова.

Большим уважением и почетом в селе пользовались искусные плакальщицы хъарæггæнæг (вопленицы). На протяжении всего похоронно-поминального обряда они были в центре внимания, заводя своим плачем присутствующих и прибывающих. Причиной появления профессиональных плакальщиц стал древний культ – культ мертвых, практикующийся у осетин. Причитая, плачущая должна была поддерживать скорбь у домашних и вновь прибывающих.

Умершего держали дома три дня, в течение которых происходило прощание. Мусульмане же хоронили на следующий день. Родственникам (зианджын – понесшие утрату) надлежало исполнять все обряды, связанные с погребением и не заниматься земными делами. Им приносили соболезнования (тæфарфæс). Прежде всего родственники должны были не оставлять усопшего одного, особенно ночью. Этот ритуал назывался «ночи бдения» (æхсæвæртæ). Считалось, что из-за недогляда в почившего войдет злой дух. Оберегом живых от злого духа была траурная черная одежда (саутæ). Сроки ее ношения зависели от возраста покойного. Так, по молодому умершему траур соблюдался год, по возрастному – 40 дней. В течение этого времени вели себя степенно, не ходили на праздники, мужчины не брились. Приготовлением занимались соседи и односельчане покойного, они готовили погребальный ужин «æхсæвæр», состоящий из хлеба, солений, похлебки из фасоли и трав. Эти продукты обязаны были приносить все односельчане, которые полагали, что этим они также кормят своих ушедших в мир иной.

Как видим, погребальные обычаи носили социальный характер. Всегда (да и сейчас) похороны у осетин сопровождалось большим скоплением народа. По свидетельству О. Цахилова, «в случае смерти оповещались все соседние аулы, стекались тысячи готовых разделить горе и скорбь безутешных родственников» [20. С. 13].

Для оповещения существовали глашатай – фидиуæг, который обходил всех жителей села, и траурный вестник – хъæргæнæг, направляемый на дальние расстояния, из числа соседей, которому надлежало строго придерживаться этикета (не останавливаться без дела, поститься). Вестник садился на коня черной масти и все время скакал рысью, в левой руке держал плеть, хвост коня был распущен. Видя это, все встречающиеся на пути понимали, что случилось горе, снимали шапки и говорили: «Рухсаг уæт, рухсаг» (светлый ему путь), – а вестник отвечал: «Гъе уый фæзиан ис (пострадал такой-то; слово «умер» не употребляли).

По сведениям информатора Агнессы Гусаловой (72 года, с. Эльхотово), глашатай печали, снимая шапку, желал добрых вестей слушателям и объявлял о постигшей утрате, на что ему всегда отвечали, чтобы отныне он приносил благие вести. Возвратившись, вестник печали до самых похорон находился в доме умершего [21].

Оповещенные люди бросали все свои дела и шли на похороны. Первыми соболезнование (канын) выражали мардзыгтой из наиболее уважаемых жителей села. Их называли людми, прибывшими отдать последний долг умершему. Подходя к дому четным количеством (по двое или четверо), женщины начинали плакать, мужчины шли молча, ни с кем не здороваясь. У ворот их встречали мужчины из рода покойного, руки их были опущены в знак скорби. Самый старший из них говорил примерно следующее: «Хуыцауы арфайæ хайджын ут. Ныраъй фæстæмæ цинтим фæцæут. Уæ къахфыдабон, уæ удвæллой зианæн йæ мæрдтывæндагæн хæлар уæд. Хæрзаудæн уыл кæнæд! –

Да будет вам Божья благодать! Чтоб огньные вы ходили только по добрым делам (цинты цаут). Пусть труд ваших ног, боль ваших душ помогут покойному по дороге в страну мертвых» [6. С. 157].

Близкие родственники начинали голосить уже на подходе к селу («иронвэндаг» – осетинский путь). Так описывает это действие А.Б. Кокоева: «Уже на окраине села прибывшие на похороны родственники из других мест и сопровождавшие их женщины поднимали оглушительный рев. Сняв головные уборы, они рвали на себе волосы, били голову, царапали лицо до крови. Войдя во двор покойного, женщины становились на колени и двигались вереницей по четыре в ряд, били себя в такт ладошками и руками по щекам, ударяли кулаками по коленям, приговаривая: «Дæ-дæй». Главный текст говорила самая искусная плакальщица, шедшая впереди.

Если умирал свекор, старший деверь или свекровь, то все невестки (чындзытæ) не только этой семьи, но и всей фамилии в знак глубокого горя и особого почитания совершали обряд на коленях – зонгуытыл. У порога на коленях выстраивались по старшинству невестки с распущенными волосами, держа в руках свечи. Старшая невестка начинала причитать, восхваляя умершего, его доброе отношение к ним, вспоминая его деяния. Остальные невестки медленно продвигались также на коленях вслед старшей, вторили ей, но не причитали. Для того чтобы подчеркнуть свои горе и страдания, на пол предварительно сыпали кукурузные или пшеничные зерна, на которые больно было ступать коленями. Процессия завершалась у гроба» [12. С. 57].

В этом действии нам видится ритуал самоистязания, основанный на культе мертвых. Он происходил еще в прошлом столетии. Так его описал литератор П. Жускаев: «Пришедшие, подходя к печальному дому и став рядом попарно, сжимают руки в кулаки и попеременно ударяют себя в лоб обеими руками, испуская протяжные звуки “а-а-а”. Затем они берут плети с подвешенной на конце свинцовой гирькой и ударяют себя ими по голове, в результате чего закругленный конец плети вырывает куски из лба и темени. Некоторые доходят до того, что конец плети натирают воском, и тогда кровь льется ручьями.

Женщины, демонстрируя свое сострадание к покойному, бьют себя по лицу ладонями, царапают щеки ногтями, из-за чего лица их страшно раздуваются, а глаза опухают. Дойдя до покойного, каждая кланяется, прикасается к ногам его и уходит в сторону. В это время кто-нибудь из родственников и плакальщиц начинает плач “хъарæг”, присутствующие подхватывают. Стоит совместное рыдание» [22].

Обряд самоистязания описан и К.Л. Хетагуровым: «Женщины выстраиваются в ряд около покойника и ритмично бьют себя по лицу и щекам, приговаривая: “Дæ-дæй, дæ-дæй!” Затем одна из женщин нараспев приговаривает, а все другие отвечают ей хныканьем и истеричным плачем. Мужчины собираются на дворе и также имеют свой установленный порядок для выражения скорби. Они попарно приближаются к хæдзару (дому) с изготовленными для этого обряда плетями,

переступив через порог, бьют себя этими плетями через голову по голой шее. Выходя, они передают плети другой паре.

Малознакомые с домом покойника выражают свое соболезнование более просто: с опущенной головой и руками они тихо вступают во двор покойника и, постояв с минуту неподвижно, делают левой рукой печальное приветствие. Их благодарят, и они примыкают к общей массе» [9. С. 22].

Такие мучения и пытки были известны еще со времен скифов. На этот факт обратил внимание академик В.Ф. Миллер. «Наблюдая эти, до сих пор сохранившиеся у осетин обряды, – пишет он, – невольно вспоминаешь некоторые черты скифских похорон, записанные Геродотом. И у скифов в похоронах принимают живое участие не только близкие родственники покойного, но и все его знакомые, причем труп рядового покойника развозится по области в течение 40 дней. Труп же царя возят по всей Скифии из области в область, и всюду его оплакивают, выражая скорбь наглядным образом. Каждый скиф обрезает себе кончик уха (у осетин это делают коню), остригают себе волосы (делает у осетин вдова покойного), делают надрезы на руках, царапают себе лбы или носы (последнее до сих пор делают женщины в Осетии) и прокалывают стрелой левую руку. С царем погребают его жену, слуг, коней, оружие, сосуды. Затем через год вокруг царской могилы ставят 50 чучел убитых в честь его юношей и коней» [23].

Сегодня самоистязание ушло в прошлое, но сами траурные обряды не претерпели каких бы то ни было существенных изменений, поэтому мы имеем право описывать происходящее в настоящем времени.

В день похорон покойного выносят во двор, чтобы с ним могли проститься все присутствующие. Но перед этим ему посвящают два пирога, а мусульмане устраивают обряд выкупа грехов. Стараются хоронить до заката солнца, поскольку считается, что ворота загробного мира с заходом солнца закрываются, и вновь прибывшему придется дожидаться их открытия.

В полдень (около 14 часов) распорядитель открывает траурный митинг. Выступают родственники и соседи усопшего, говорят о его добрых делах на этой земле. Могут обратиться и к покойнику, так как полагают, что душа его видит и слышит: «Рухсаг у! Покойся с миром! Да пребудешь ты в раю, и снизойдет на тебя благодать Барастыра (владыка Страны мертвых)! Да будут для тебя широко распахнуты двери рая и пряма к ним твоя дорога! Пусть же земля предков будет сладка и легка, а твой фарн (изобилие) достанется живым. Рухсаг у!». Потом представитель рода благодарит мардзыгтой и желает, чтобы все присутствующие собирались только по приятным поводам – на свадьбы и кувды (пиры) [6. С. 157].

Далее происходит прощание с покойным. Если покойный был женат, то родственники жены (каиста) делают сияхсаггаг (последний дар зятю), включающий барана, четыре пирога, араку, накидку на гроб, шапку, туфли и посвящают ему, а замужней женщине из цагата (родительского дома) приносят платок. После этого гроб (у христиан) или носилки (у мусульман) с телом

выносят ногами вперед. Чтобы задобрить духов и открыть дорогу в иной мир, по дороге на кладбище всем встречающимся на пути раздают пряники, лепешки и сладости (халæф).

В старину на кладбище отправлялись только одни мужчины, сейчас же допускаются и женщины. Старший из рода посвящает могилу («æнусон хæдзар»), землю покойному. В честь траура вдова отрезает свою косу и кладет на грудь мужу. Это символизирует, что волосы помогут на том свете найти друг друга.

Особо происходит посвящение коня. Дело в том, что у осетин, предками которых были кочевые народы, конь играл особую роль. Он был не только средством передвижения, но и помощником в работе, верным товарищем в бою. Поэтому в ранних захоронениях находили кости коней, их умертвляли, чтобы они и на том свете служили хозяину. С течением времени этот древний обычай видоизменился: во время посвящения коня покойному только надрезали ухо и передавали семье, которая должна была заботиться о животном. В могилу также клались все вещи, которыми пользовался покойный.

После засыпания могилы землей все присутствующие приглашаются на поминки, чтобы сказать «фухсаг» покойному. В недавнем прошлом в честь него устраивались различные состязания – скачки, джигитовка, стрельба из лука, которые посвящались покойному. Победителям доставались его вещи.

Интересные сведения предоставила нам Е. Зангиева (76 лет, с. Фиагдон), которая рассказала об охране могилы в первые три ночи. Считалось, что это время для души, которая остается с телом еще три дня, наиболее опасно, так как ее могут украсть злые бесы. Для этого разводили костер, отдавая дань ушедшему [29].

Особый ритуал захоронения был у тех, кто умер не своей смертью от старости (разбился о скалы, утопился и т.д.), так как они считались не прожившими земную жизнь. Их гибель слыла неестественной, вызванной злыми духами, поэтому похоронные обряды включали ритуал «высвобождения души». Он проводился на месте происшествия. Здесь закалывали черную овцу (туг суадзынц), пекли два пирога и молились предкам, чтобы те показали погибшему дорогу в загробный мир. По поверьям, если не провести обряд, то душа усопшего заблудится и будет скитаться в царстве мертвых в течение семи лет.

Интересно оформлялись похороны убитого молнией. По представлениям осетин, гром и молния, находящиеся в ведении св. Уацилла (Елия – Илья), рассматривались как благородные существа, которые преследуют нечистую силу. Про умершего от молнии говорили, что его поразила своей стрелой Уацилла, значит, тот вел праведную жизнь. Зачастую такого человека причисляли к святым и устраивали ему пышные похороны, где запрещалось плакать.

По воспоминаниям И. Гагиевой (81 год, с. Нижний Ларс) усопшего хоронили весело, с песнями, восхвалявшими Елия, стараясь выказать ему свою благодарность за оказание внимания. Обычно выкапывали неглубокую яму на месте происшествия (а в некоторых случаях обходились без нее, укладывая мертвого на

землю и насыпая над ним курган из камней), затем усаживали пострадавшего на стул и в таком виде опускали в могилу. В течение трех дней это место охраняли и пели песни в надежде на то, что Уацилла воскресит мертвого. Если в это время портилась погода, то считалось, что бог разгневался. Тогда усопшего вынимали, переодевали в новые одежды, укладывали на повозку, запряженную двумя черными быками. Где быки останутся, там совершалось захоронение, которое впоследствии становилось священным. Присутствующие распевали песню «Цоппай» и выражали всяческие пожелания семье покойного [19].

Историк Б. Гатиев так описывает одну из версий проведения данного обряда: «Совместно с односельчанами родственники убитого, образовав хоровод, в течение трех дней с песней цоппай ходят вокруг него в надежде, что св. Илья услышит их стенания и воскресит. Затем сажают убиенного на стул в том месте, где случилось несчастье, опускают в могилу вместе с оружием и другими бытовыми принадлежностями, заваливают ее камнями» [18. С. 30]. Другой вариант исполнения этой церемонии увидел Г.Л. Чурсин в Дигорском ущелье: «Около убитого молнией воздвигается высокий шест с белым платком наверху. Собравшиеся устраивают вокруг убитого хоровод с пением в честь Уациллы особой песни “цоппай”. Плакать ни в коем случае нельзя; если кто-нибудь заплачет, Уацилла разгневается, если пораженный еще жив, непременно умрет» [25. С. 54–55].

Как видим, вариации похорон описывались очевидцами разные, однако все источники упоминают обрядовую песню «Цоппай». Приведем отрывок из нее:

...Цоппай, пускай снизойдет на вас благодать

Божия.

Цоппай, пусть пребудет с вами благодать

св. Уациллы.

Цоппай, да пребудет с вами благославление

сраженного небесной гостьей...

Из-за веры в святость убиенных молнией траура по ним не держали, как не держали скорбь и по детям. Ритуал их проводов в иной мир был простым. Еще в прошлом веке детей до трех лет «за людей не считали» и потому хоронили у себя в огороде (цæхæрадоны) или на какой-нибудь окраине, где не ступала нога человека (фæсфæд), и не оплакивали. Известный археолог А.А. Туаллагов писал: «До трехлетнего возраста осетинские дети считались словно не до конца рожденными и тесно связанными с матерью. Они не могли носить обычную одежду, не учитывались при подсчете родов и т.д. В случае смерти по ним не совершали поминальных обрядов и, чтобы не осквернять кладбище, хоронили под полом дома, у входа или очага, в огороде» [26. С. 163].

Причину такого явления этнограф А. Чочиев видел в том, что «погребение младенца, “молозиво которого еще не обсохло на губах” (йæ хъуымыз нæма басур) рядом с взрослыми мужчинами считалось оскорбительным для последних: тогда и утробным полагалось бы отправлять поминки наравне с мужчинами. Одним словом, принцип “сывæллоуæн лæгтимæ не‘мбæлы” (утробному не положено с мужчинами) выдерживался в отношении и живых, и мертвых» [27. С. 59].

По нашему мнению, данный обычай появился благодаря другому – избеганию, которое запрещало отцам притрагиваться к своим детям, и был продиктован тесной связью матери с ребенком. Поскольку существовала большая младенческая смертность, именно трехлетний период должен был продемонстрировать включение матери и ребенка в мир живых. Сообразно обычаю избегания родители не имели права оплакивать своих детей и проявлять скорбь по ним. По свидетельству информаторов М. Заникаевой (79 лет, с. Згубир) и Т. Ганглоевой (81 год, с. Дагом), женщина стояла в дверях и сдерживала рыдания. Ее не подпускали к умершему ребенку [28, 29].

Респондент И. Казиев (78 лет, с. Чми) рассказал, что когда рождался смысленный или красивый ребенок, осетины верили, что он на земле долго не задержится: «Ай цæрыны гуыр дæу» (ребенок этот не жилец в этом мире). Уродливого ребенка тут же душили, полагая, что тот родился от чертей [36]. Но данных об умышленном умерщвлении младенцев в Осетии у нас нет, поэтому мы не можем говорить о их достоверности.

Не оплакивали детей и по другой причине. Считалось, что дети счастливы на том свете, они сразу попадают в рай, превращаясь там в маленьких птичек (дзæнæты цыуытæ). У них имеется особое назначение. Барастыр (владыка мертвых) поручал им отыскивать умерших преждевременной смертью, которые после смерти находятся в чистилище (талынг бынаты), так как только безгрешные души могут их увидеть и разыскать.

Однако не всем младенцам была уготована такая деятельность. Осетины верили, что в небесном царстве грудные дети находятся отдельно от взрослых покойников, пока Барастыр не выяснит, из какой тот фамилии и какого села. Тогда повелитель мертвых поручает ребенка родичам. Однако те не торопятся его взять на воспитание, так как он требует определенного ухода. В таком случае существовал особый ритуал «фæдзæхсын» (поручение-завещание). Во время его проведения старший мужчина рода обращается с просьбой к ранее ушедшему одноплеменнику о взятии на воспитание ребенка. Молитва сопровождается посвящением ему еды. В ней были такие слова: «Наш святой, отныне и навечно мы поручаем этого ребенка тебе и просим, чтобы ты заботился о нем, как о своем собственном. – Абонæй фæстæмæ ацы сывæллон у дæ бæрны æмæ дын æй фæдзæхсæм, цæмай йæм кæсай, куыд дæхи сывæллонмæ, афтæ» [30. С. 63]. Этот ритуал должен обеспечить младенцу право находиться в стране предков и предоставить его дальнейшее перерождение. Считалось, что такие дети растут только до трех лет и не могут создать свои семьи.

Особо строгие правила выполнялись при похоронах самоубийцы. Плачевна была его судьба: не полагалось молиться, поминки справляли только раз в год, хоронили за оградой кладбища, так как считалось, что кладбищенская земля священна, а наложивший на себя руки совершил большой грех. Его особенно усердно охраняли, так как бесы радуются заблудшей душе и могут поиздеваться над ней.

По возвращении с кладбища во всех случаях накрывался поминальный стол. Он должен был быть обильным, так как, по верованиям осетин, души мертвых, хоть и не могут отведать земной пищи, насыщаются ее видом. Поэтому главным ритуалом является посвящение приготовленных кушаний покойному. Старший мужчина берет рог с осетинским пивом или аракой и произносит речь такого содержания: «Табу Стыр Хуыцауан (Да пребудет с нами Великий Бог). Без Его ведома на этой земле ничего не происходит. В Его воле дать людям счастье, – так пусть отныне для этого дома наступят счастливые дни. В Его воле наказать нас несчастьем, – так пусть отныне все несчастья минуют этот дом. Пусть эти яства и напитки пойдут впрок тому, для кого были приготовлены в дорогу в страну мертвых.

Рухсаг уад, да будет ему открыта дорога к райскому роднику, к его зеленым лугам. Да снизойдет на него благодать мертвых, к которым он идет. Да благодетельствует он роду и семье, которую оставил. Пусть эти яства пойдут ему впрок, пусть поневоле ни с кем не делится ими.

До тех пор, пока с гор катится камень, а на равнине крутится колесо, да будет стол перед ним все обильнее и обильнее. Чтобы яства летом не гнили, зимой не замерзали. Да будут одежды его чисты, а могила светла. Рухсаг у! – Табу, Стыр Хуыцау! Хуыцауы æвастæй ацы дунейыл ницы цæуы. Амæндтæгæнæг у, æмæ амæй фæстæмæ хæдзарыл амондджын сахæттæ кæнæд. Хуыцауы бæрны сты фыдбылызтæ дæр, æмæ сæ фыдбылызтæ сæфт уæнт! Мæнæ ацы хойраг æмæ нозт кæй номыл, кæй мæрдты фæндаджы æгъдауæн конд сты, уымæн хæлар уæнт. Рухсаг уæд, дзæнæты суадонмæ йын сæрибар фæндаг уæд, йæ цъæх нæууыл – бадыны бар. Цы мæрдтæм цæуы, уыдоны хорзæх æй уæд. Бинонтæ æмæ мыггаг, хæстæджытыл рæстмæ аудæд.

Ацы фæндагæгтæ йын хæлар уæнт, æнæбары хай дзы макамæн бакæнæд, хæдзары хом хойрагмæ бар макуы бадарæд. Цалымæ хохы дур тула, быдыры цалх зила, уæдмæ йæ раз дзæгæй-дзæгдæр кæнæд. Сæрд ын ма ‘мбийæнт, зымæг ын ма сæлæнт. Йæ мæрддзæгтæ – сыгъдæг, йæ ингæн рухс уæд. Рухсаг у!» [6. С. 160].

После этого поминальные яства посыпаются солью, и младший (по возрасту) притрагивается к ним ножом. Все присутствующие садятся за поминальную трапезу, причем мужчины и женщины отдельно друг от друга. Стол ведет тамада – старший из рода или соседей. Перед ним ставят три пирога (олицетворяющих землю, солнце и воду), голову жертвенного животного и шею с правой стороны. Старший (фынджы хистар) говорит поминальную речь: «Рухсаг у. Ты ушел в вечный мир, и пусть земля будет тебе пухом. Да будет тебе милость Барастыра. Да пойдет тебе впрок все, что тебе приготовили: и яства, и напитки, чтобы они летом не гнили, зимой не замерзали. Много людей скорбело по тебе, и пусть эта скорбь тоже пойдет тебе впрок, благодетельствуй им с того света так же, как благодетельствовал на земле. Благодетельствуй оттуда своей семье, родным и близким, людям, пришедшим проводить тебя в последний путь. Рухсаг у. – Рухсаг у. Де ‘нусон бынатмæ ацыдтæ æмæ дын дæ сыджыты хай бумбулийæ

фæлмæндæр уæд. Барастыры хорзæхæй хайджын у. Нозтæй, хойрагæй дын цы сцæттæ кодтой, уыдон дын хæлар уæнт, сæрд дын ма ‘мбийæнт, зымаг дын ма сæлаент. Бирæ адæм дыл фæрыст, æмæ дын сæ хыиамаг хæлар уæд, дæ уæлауон хорз зæрдæ сæм дар. Дæ бинонтыл, дæ къабæзтыл, ардæм цы дзыллæ æрцыд, уыдоныл цардауæн кæн. Дæ рухс ном макæд фесæфæд. Рухсаг у» [6. С. 161].

После молитвы один пирог убирается, тосты передаются по очереди, пьют четное число раз, говорят тихим голосом. Традиция регламентирует смену пожеланий «за упокой» и «во здравие», что предполагает биполярность миров – живого и мертвого. Также отметим, что при произнесении заупокойных молитв и тостов обычно проливают немного на стол. Причину этого нам поведал старожил А. Кодзаев (88 лет, с. Даргавс). Он объяснил, что эти капли обозначают подземную реку, разделяющую два мира – потусторонний и сиюсторонний. Проливая вино и говоря «Рухсаг у» – «Царство небесное», живые отделяют себя от мертвых этой преградой [13].

Только после молитвы можно есть. Считалось, что необходимо отведать все кушанья с поминального стола, – это поможет покойному попасть в рай. Примечательно, что в Осетии мужчины никогда не приходили на тризну ради еды и выпивки, это было неприлично. Молодежь только прислуживала за столом и оказывала посильную помощь на похоронах и поминках. Их называли лæггадгæнджытæ (прислуживающие). Встав из-за стола, один из гостей произносит благопожелания («Цинты цæут») о том, чтобы присутствующие и хозяева посещали только радостные события. В ответ родственники ушедшего желают здоровья. Только после этого открытые настезь все эти дни ворота закрываются.

На следующий день, который назывался «фыдрайсом» (горестное утро) приносили усопшему «долю огня» («йæ зынджы хай»). Этот ритуал проделывали только женщины. Они еще до рассвета разводили на могиле костер, грели руки и прикладывали их к могиле, как бы передавая усопшему долю его огня, который должен был помочь ему осветить путь на небо и попасть в Царство мертвых.

Затем по возвращении домой делали большой пирог из сыра «æртхурон», приготавливали сладкий рис (кутью), приглашали соседей. Все приготовленное посвящалось тамадой (хистæр лæг) душе ушедшего: «Рухсаг у, хæлар дын уæнт, æмæ дæ хуры хай, дæ мæй абонæй фæстаæмæ дæхи сты, æмæ дын бар ис цæуын æмæ бадын. Адон сты дæ хурмæдзæуæггаг æмæ дын хæлар уæнт. – Будь светел, да будет впрок все, что тебе посвятили. С этого дня тебе принадлежат твоя доля солнца и луны, и с этого дня имеешь право ходить и сидеть там. Эти твои дорожные к солнцу. Да будут они тебе впрок» [31. С. 17]. По осетинскому поверью это обращение-молитва могла помочь душе беспрепятственно достичь Солнца (рая).

На этом поминальные ритуалы не заканчивались. В старину справлялось 12 (у мусульман) и 15 (у христиан) поминок. Они делились на общественные и семейные. К первым относятся собственно сами похороны,

сороковины и годовщина, ко вторым – Артананта, Баданта, Лауызгананта (2 раза), Зæхæссæн, Зæрдæвæраен, Майраемы Куадзæн и др. Осетины-христиане добавляли к ним поминки, устраиваемые в пятницу – три Сабатизæра, а мусульмане – три Майрамæхсæва. Понятно, что столь большое количество поминальных дней негативно отражалось на материальном благополучии семей, многие из них разорялись. В помощь таким семьям существовал обычай оказания материальной помощи – мардылæвар. Он в несколько измененном виде дошел и до наших дней.

Заключение

Осетинский народ веками создавал свое представление о жизни после жизни. Оно породило концепцию бессмертной души, обитающей в потустороннем астрале, который почти ничем отличается от мира живых. В воззрениях ясно прослеживаются наслоения реликтов ранних верований и мировых религий, основанных на семиотическом восприятии Вселенной, включающем бинарность бытия и небытия. Они легли в основу культа мертвых, призывающего обильные жертвоприношения, многочисленные поминки, погребальные ристалища и др. Этими действиями поддерживалась связь живых и ушедших, предполагалось, что последние, в свою очередь, должны оберегать живых потомков.

Осетинами смерть воспринималась как неизбежность, обеспечивающая переход в иной, лучший мир, в котором находятся души предков. Этим симбиозом культа мертвых и обожествления предков определена сложность похоронных обычаев и ритуалов, выполняемых семьей, родственниками, соседями. Цель их заключалась в умиротворении умерших предков, «кормлении», задабривании подношениями.

Погребальная обрядность осетин устанавливала обязательный порядок, призванный одновременно обеспечить определение и успокоение души усопшего в вечной жизни (æцæг дунейы) и защитить живых от негативного воздействия потустороннего мира. Неслучайно любое действие обряда отражало мифологическое мировоззрение осетин о загробной жизни.

В мифологии осетин заложена не идея боязни почившего, а вера в сверхъестественные силы, которая лежала в основе почтительного отношения к умершему. Осетины страшились не столько самого покойного, сколько последствий от его смерти. Поэтому при достойных проводах в мир иной умерший, обладая невероятным могуществом, становился оберегом для потомков и во всем помогал им. Все события, происходившие в роду, приписывались действиям новопреставленного. Такими представлениями осетин о всеисилии ушедшего родича и было обусловлено таинство их проводов в иной мир, совершаемых с момента кончины и погребения, а также следующих за ними поминок до того момента, пока душа умершего не поселится в «æцæг дуне» («лучшем мире»).

Как видим, воззрения осетин о смерти и связанные с этим похоронные обычаи являются одними из самых сложных и многоаспектных ритуалов семейного цикла, связанных с обрядовыми действиями, которые ста-

новятся таковыми лишь там, где в полной мере исполняется их функционально-смысловая нагрузка. Многое из того, что было сказано, кануло в Лету, но многое

сохранилось. Поэтому погребальная (траурная) обрядность в дошедшем до нас варианте, смеем надеяться, будет существовать и впредь.

Список источников

1. Хетагуров К.Л. Стихи и поэмы. Л. : Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1976. 316 с.
2. Ковалевский М.М. Поклонение предкам у кавказских народов // Кавказ. 1902. № 107, 109.
3. Жданов Н. Рассказы о кавказском племени осетинах. М. : О-во распространения полезных книг, 1898. 121 с.
4. Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М. : Политиздат, 1964. 576 с.
5. Миллер В.С. Черты старины в сказаниях и быте осетин // Миллер В.Ф. В горах Осетии. Владикавказ : Алания, 1998. С.422–436.
6. Осетинские обычаи / сост. Г. Агнаев. Владикавказ : Урсдон, 1999. 172 с.
7. Беседа с В. Валиевой, 78 лет, с. Нижний Ларс // Полевой материал автора.
8. Бардавелидзе В.В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси : Изд-во Акад. наук Груз. ССР, 1957. 270 с.
9. Хетагуров К.Л. Собрание сочинений : в 5 т. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. Т. 2. 382 с.
10. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. М. : Изд-во РОССПЭН, 2008. 712 с.
11. Беседа с И. Казиевым, 78 лет, с. Чми // Полевой материал автора.
12. Кокоева А.Б. Погребальный обряд осетин как этнокультурный феномен : дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2015. 191 с.
13. Беседа с А. Кодзаевым, 88 лет, с. Даргавс // Полевой материал автора.
14. Сурхаско Ю.Ю. Семейные обряды и верования карел. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1985. 171 с.
15. Калоев Б.А. Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII – начале XX в. // Кавказский этнографический сборник. М. : Наука, 1984. Вып. 8. С. 72–105.
16. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон : обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М. : Тип. В. Гатцук, 1886. Ч. 2. 413 с.
17. Гатиев Б. Суеверия и предрассудки у осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. 9. С. 1–83.
18. Тменов В.Х. Город мертвых. Позднесредневековые склеповые сооружения Тагаурии. Орджоникидзе : Ир, 1979. 147 с.
19. Беседа с И. Гагиевой, 81 год, с. Нижний Ларс // Полевой материал автора.
20. Цахилов О.Л. Погребальный ритуал осетин в прошлом и настоящем // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. № 43-1. С. 362–365.
21. Беседа с Гусаловой Агнесой, 72 год, с. Эльхотово // Полевой материал автора.
22. Жускаев С.В. Похороны у осетин оладжирцев «алагирцев» // Закавказский вестник. 1855. № 9. С. 134–135.
23. Миллер В.Ф. О некоторых древних погребальных обрядах на Кавказе // Этнографическое обозрение. 1911. № 1-2. С. 125–136.
24. Беседа с Е. Зангиевой, 76 лет, с. Фиагон // Полевой материал автора.
25. Чурсин Г.Ф. Культ мертвых на Кавказе // Кавказ. 1901. № 37. С. 2.
26. Туаллагов А.А. Скифо-сарматский мир и нартовский эпос осетин. Владикавказ : Изд-во Сев.-Осет. гос. ун-та, 2001. 314 с.
27. Чочиев А.Р. Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвали : Ирыстон, 1985. 293 с.
28. Беседа с М. Заникаевой, 79 лет, с. Згубир // Полевой материал автора.
29. Беседа с Т. Ганглоевой, 81 год, с. Дагом // Полевой материал автора.
30. Гаглоева З.Д. Очерки по этнографии осетин. Тбилиси : Мецниереба, 1974. 233 с.
31. Кокоева А.Б. Погребальный обряд осетин: дорожные к солнцу (хурмæдзæуæггар) // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. С. 17–25.

References

1. Khetagurov, K.L. (1976) *Stikhi i poemy* [Poems and Narrative Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', Leningradskoye otdelenie.
2. Kovalevskiy, M.M. (1902) *Poklonenie predkam u kavkazskikh narodov* [Ancestor Worship among the Caucasian Peoples]. *Kavkaz*. 107, 109.
3. Zhdanov, N. (1898) *Rasskazy o kavkazskom plemeni osetinakh* [Stories about the Caucasian Tribe of Ossetians]. Moscow: Obshchestvo rasprostraneniya poleznykh knig.
4. Tokarev, S.A. (1964) *Religiya v istorii narodov mira* [Religion in the History of the Peoples of the World]. Moscow: Politizdat.
5. Miller, V.S. (1998) *Cherty stariny v skazaniyakh i byte osetin* [Traits of Antiquity in Ossetian Legends and Way of Life]. In: *V gorakh Osetii* [In the Mountains of Ossetia]. Vladikavkaz: Alaniya. pp. 422–436.
6. Agnaev, G. (ed.) (1999) *Osetinskie obychai* [Ossetian Customs]. Vladikavkaz: Urdson.
7. Vasilieva, V. (n.d.) *Beseda s V. Valievoy, 78 let, s. Nizhniy Lars* [Interview with V. Valieva, 78 years old, village of Nizhny Lars]. The Author's Personal Archive.
8. Bardavelidze, V.V. (1957) *Drevneyshie religioznye verovaniya i obryadovoe graficheskoe iskusstvo gruzinskikh plemen* [The Most Ancient Religious Beliefs and Ritual Graphic Art of the Georgian Tribes]. Tbilisi: Academy of Sciences of the Georgian SSR Press.
9. Khetagurov, K.L. (1960) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press.
10. Chibirov, L.A. (2008) *Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura osetin* [Traditional Spiritual Culture of the Ossetians]. Moscow: ROSSPEN.
11. Kaziev, I. (n.d.) *Beseda s I. Kazievym, 78 let, s. Chmi* [Interview with I. Kaziev, 78 years old, village of Chmi]. The Author's Personal Archive.
12. Kokoeva, A.B. (2015) *Pogrebal'nyy obryad osetin kak etnokul'turnyy fenomen* [The Funeral Rite of the Ossetians as an Ethnocultural Phenomenon]. History of Cand. Diss.
13. Kodzaev, A. (n.d.) *Beseda s A. Kodzaevym, 88 let, s. Dargavs* [Interview with A. Kodzaev, 88 years old, village of Dargavs]. The Author's Personal Archive.
14. Surkhasko, Yu.Yu. (1985) *Semeynye obryady i verovaniya karel* [Family Rituals and Beliefs of the Karelians]. Leningrad: Nauka.
15. Kaloev, B.A. (1984) *Pokhoronnye obychai i obryady osetin v XVIII – nachale XX v.* [Funeral Customs and Rites of the Ossetians in the 18th – Early 20th Century]. In: *Kavkazskiy etnograficheskiy sbornik* [Caucasian Ethnographic Collection]. Vol. 8. Moscow: Nauka. pp. 72–105.
16. Kovalevskiy, M.M. (1886) *Sovremennyy obyчай i drevniy zakon: obychnoe pravo osetin v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii* [Modern Custom and Ancient Law: The Customary Law of the Ossetians in Historical-Comparative Perspective]. Vol. 2. Moscow: Tipografiya V. Gattsuk.
17. Gatiev, B. (1876) *Sueveriya i predrassudki u osetin* [Superstitions and Prejudices among the Ossetians]. *Sbornik svedeniy o kavkazskikh gortsakh*. 9. pp. 1–83.
18. Tmenov, V.Kh. (1979) *Gorod mertvykh. Pozdnesrednekovyye skleповые sooruzheniya Tagaurii* [City of the Dead. Late Medieval Crypt Structures of Tagauria]. Ordzhonikidze: Ir.
19. Gagieva, I. (n.d.) *Beseda s I. Gagievoy, 81 god, s. Nizhniy Lars* [Interview with I. Gagieva, 81 years old, village of Nizhny Lars]. The Author's Personal Archive.

20. Tsakhilov, O.L. (2007) Pogrebal'nyy ritual osetin v proshlom i nastoyashchem [The Funeral Ritual of the Ossetians in the Past and Present]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*. 43-1. pp. 362–365.
21. Gusalova, A. (n.d.) *Beseda s Gusalovoy Agnessoy, 72 goda, s. El'khotovo* [Interview with Agnessa Gusalova, 72 years old, village of Elkhotovo]. The Author's Personal Archive.
22. Zhuskaev, S.V. (1855) Pokhorony u osetin olladzhir "alagirtsev" [Funerals among the Olladzhir Ossetians "Alagirs"]. *Zakavkazskiy vestnik*. 9. pp. 134–135.
23. Miller, V.F. (1911) O nekotorykh drevnikh pogrebal'nykh obryadakh na Kavkaze [On Some Ancient Funeral Rites in the Caucasus]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1-2. pp. 125–136.
24. Zangieva, E. (n.d.) *Beseda s Ye. Zangievoy, 76 let, s. Fiagdon* [Interview with Ye. Zangieva, 76 years old, village of Fiagdon]. The Author's Personal Archive.
25. Chursin, G.F. (1901) Kul't mertvykh na Kavkaze [The Cult of the Dead in the Caucasus]. *Kavkaz*. 37. p. 2.
26. Tuallagov, A.A. (2001) *Skifo-sarmatskiy mir i nartovskiy epos osetin* [The Scythian-Sarmatian World and the Nart Epic of the Ossetians]. Vladikavkaz: North Ossetian State University Press.
27. Chochiev, A.R. (1985) *Ocherki istorii sotsial'noy kul'tury osetin* [Essays on the History of the Social Culture of the Ossetians]. Tskhinvali: Iryston.
28. Zanikaeva, M. (n.d.) *Beseda s M. Zanikaevoy, 79 let, s. Zgubir* [Interview with M. Zanikaeva, 79 years old, village of Zgubir]. The Author's Personal Archive.
29. Gangloeva, T. (n.d.) *Beseda s T. Gangloevoy, 81 god, s. Dagom* [Interview with T. Gangloeva, 81 years old, village of Dagom]. The Author's Personal Archive.
30. Gagloeva, Z.D. (1974) *Ocherki po etnografii osetin* [Essays on the Ethnography of the Ossetians]. Tbilisi: Metsniereba.
31. Kokoeva, A.B. (2013) Pogrebal'nyy obryad osetin: dorozhnye k solntsu (khurmædzæuæggag) [The Funeral Rite of the Ossetians: Road to the Sun (khurmædzæuæggag)]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 1. pp. 17–25.

Сведения об авторе:

Блейх Надежда Оскаровна – доктор исторических наук, профессор кафедры социальной работы психолого-педагогического факультета Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова (Владикавказ, Россия). E: mail: nadezhda-blejjkh@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Bleich Nadezhda O. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Social Work, Faculty of Psychology and Pedagogy, North Ossetian State University named after C.L. Khetagurov (Vladikavkaz, Russian Federation). E: mail: nadezhda-blejjkh@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.06.2022; принята к публикации 21.01.2026

The article was submitted 23.06.2022; accepted for publication 21.01.2026